

§4 ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бартош А.А.

СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Объектом исследования является информационная война, которая может вестись в рамках цветной революции и/или гибридной войны. Предметом исследования являются стратегии сокрушения и измора, рассматриваемые применительно к информационной войне в упомянутых конфликтах. Установлено, что стратегии информационной войны могут рассматриваться как разновидности стратегий сокрушения и измора, применяемых в конвенциональных конфликтах. Определяются содержание и взаимовлияние стратегий сокрушения и измора в информационной войне применительно к цветной революции и гибридной войне. Подчеркивается, что в современных конфликтах «жёсткая сила» применяется в сочетании с невоенными методами воздействия на противника, в числе которых – операции информационно-психологической войны. Рассматривается роль публичной дипломатии и «мягкой силы» в информационной войне. Предлагаются подходы к разработке стратегии России по противодействию информационной войне. Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительный политический и военный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. Основным выводом исследования является необходимость построения противодействия подрывным информационным технологиям в политико-административной, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сфере на основе учета использования противником двух взаимосвязанных информационных стратегий сокрушения и измора. Особый вклад состоит в обосновании применения стратегий сокрушения и измора соответственно в цветной революции и гибридной войне. Новизна заключается во впервые сделанной попытке показать взаимосвязь и взаимовлияние стратегий сокрушения и измора в информационных войнах современности.

Ключевые слова: цветная революция, гибридная война, информационная война, стратегия сокрушения, стратегия измора, управляемый хаос, национальная безопасность, модель, угрозы, адаптация.

Abstract. The object of this research is the information warfare, which can be carried out within the framework of color revolution and/or hybrid war. The subject of this research is the role of strategies of demolition and

exhaustion that are being examined with regards to information warfare in the aforementioned conflicts. It is stated that the strategies of information warfare can be viewed as the varieties of strategies of demolition and of exhaustion implemented in conventional conflicts. The author determines the content and mutual influence of the strategies of demolition and exhaustion in the information warfare pertaining to color revolution and hybrid warfare. It is underlined that in the modern conflicts "hard power" is being implemented in combination with the non-military methods of affecting the enemy, including the information-psychological warfare. The author examines the role of public diplomacy and "soft power" in the information warfare. The approaches towards development of Russia's strategy in counteracting information warfare are being proposed. The main conclusion of this work lies in the necessity of establishment of countermeasures against the disruptive information technologies in political-administrative, cultural-economic, and cultural-worldview spheres, taking into account the use of the two interconnected information strategies of demolition and exhaustion by the adversary. The author's main contribution consists in justification of implementation of the strategies of demolition and exhaustion in color revolution and hybrid warfare correspondingly. The author is first to attempt to pursue correlation and interconnection between the strategies of demolition and exhaustion in the information warfare of modernity.

Key words: *Adjustment, Threats, Model, National security, Controlled chaos, Strategy of exhaustion, Strategy of demolition, Information warfare, Hybrid war, Color revolution.*

Современная действительность все больше определяется глобальной политической нестабильностью и хаотизацией международных отношений. Главное противоречие заключается в острой конкуренции между стремящимся к глобальному доминированию Западом во главе с США и странами НАТО и набирающими экономический и политический вес новыми центрами силы – Китаем, Россией, странами БРИКС и ШОС. Конкуренция между государствами и их объединениями во все возрастающей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, культурный, научный и технологический потенциалы.

В результате впервые после окончания холодной войны развивается конкурирующее видение миропорядка. Возможности и влияние Запада снижаются на фоне крепнущей тенденции по формированию полюса власти вне западного мира. Такое развитие обстановки может способствовать возникновению мирового раскола по оси российско-китайского сотрудничества, БРИКС и ШОС с одной стороны и западным блоком государств во главе с США с другой.

Мощным катализатором грядущих перемен является, например, создание под эгидой Вашингтона двух глобальных экономических и финансовых структур – Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Китай, Россия и некоторые другие страны ШОС в этих партнер-

ствах не участвуют, что в перспективе существенно сократит их возможности по доступу к западным рынкам и может послужить одной из причин серьезного обострения отношений на глобальном уровне.

В целом, мир входит в эру сложных конфликтов, в которых «комбинированные действия предполагают сочетание традиционной военной мощи с политической, информационной, финансово-экономической и др. составляющими».[8, С.350] В рамках подобных конфликтов масштабы планирования и управления социальными, государственными и политическими процессами могут быть разными – от отдельного государства или региона и вплоть до глобального охвата.[7]

В связи с этим, среди политиков и специалистов ведутся дискуссии о феномене так называемых «непрямых действий», которые всё чаще используется различными субъектами мировой «закулисы» для реализации своих геополитических интересов в мире, разжигания разного рода конфликтов, которые в последующем становятся источником войн, вооруженного экстремизма и международного терроризма»[19, С.105].

Непрямые действия, включающие информационную войну, являются мощной составляющей технологий «управляемого хаоса», востребованность и эффективность которых в стратегиях Запада обусловлены тем, что в современных условиях собственно военная сила перестаёт быть «последним доводом королей».

В ряде случаев при сохранении всей значимости силового фактора военная сила остаётся фоном для применения информационно-психологических технологий при подготовке и проведении цветных революций и гибридных войн. При этом считается, что контроль в информационной сфере позволит нетрадиционными методами достигать стратегических целей глобального доминирования практически без использования вооруженных сил и неизбежных потерь при существенной экономии ресурсов.

Нетрадиционные методы ведения войны

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что в современных условиях «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [16]

В этом контексте серьезную опасность представляют действия противника по нарушению устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры.

Применительно к информационной войне в США появилась концепция «дешёвой войны» (*War on the Cheap*), сторонники которой утверждают, что «один миллион долларов и 20 человек, проводя компьютерные атаки, могут обеспечить успех, сопоставимый с действиями многотысячной группировки войск» [21, С.4]. Считается, что относительно небольшими силами и средствами при минимальных финансовых затратах можно вывести из строя военную и государственную информационную инфраструктуру противника, так что на ее восстановление потребуются годы.

Принципиально новая роль информации подчеркивается в «Единой доктрине информационных операций» Комитета начальников штабов ВС США: «информация стала представлять собой не только цель воздействия, но и оружие воздействия, а также область или сферу деятельности ВС США» [30]

Политическая воля и наличие объединенных ресурсов США и НАТО позволяют в рамках стратегии глобального доминирования последовательно осуществлять подрывные информационные операции в рамках информационной вой-

ны (ИВ), которая в общем случае охватывает две различные области.

Первая из них включает уже упоминавшиеся технические средства сбора, обработки, защиты, распространения и эффективного использования информации, а также воздействия на информационно-технические объекты противника. Вторая предусматривает оказание информационно-психологического воздействия на государственное и военное руководство, военнослужащих и население страны в целом.

Существуют несколько точек зрения на то, что представляет собой информационная война.

В упомянутом документе ВС США определяется, что: «Информационная война – это не только воздействие на компьютерные сети, это действия (операции) непосредственно по подавлению (искажению, уничтожению) или использованию в своих целях информации в любых ее формах, воздействие на передачу информации любыми СМИ, в том числе на её объем и содержание, на все её обеспечивающие информационные системы и компьютерные сети, на специальные программы математического обеспечения, физические средства материальной части систем и сетей, на средства хранения и размножения данных, на содержание инструкций по их использованию, на действия и сознание личного состава, обслуживающего эти системы, средства и сети» [30].

Таким образом, американцы используют термин «информационная война» в двух смысловых вариантах:

- в широком смысле – для обозначения противоборства в информационной сфере и средствах массовой информации для достижения различных политических целей;
- в узком смысле – как информационные военные действия, т.е. для обозначения военного противоборства в военной информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя (в операции, сражении).

В дальнейшем сосредоточимся на рассмотрении стратегий ИВ применительно к широкой трактовке этого понятия.

В этом контексте более сбалансированным в отношении технического и человеческого измерений, представляется определение ИВ, предложенное политологом И.Н. Панариным: «Информационная война – комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военно-

го управления противостоящей стороны, на её военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника» [11, С.284].

Достаточно полный охват группы субъектов и объектов ИВ в обширном глобализационном контексте предполагает определение ИВ, приведенное в диссертации А.М. Соколовой: «информационная война – это совокупность мероприятий, предпринимаемых в целях достижения информационного превосходства над противником путем воздействия на его информационные системы, процессы, компьютерные сети, общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил, при одновременной защите своей информационной среды» [18].

Таким образом, как важнейшая военно-политическая категория ИВ представляет собой осуществляемую по единому замыслу и плану совокупность способов воздействия на сознание всех слоев населения государства-противника для искажения картины восприятия мира, ослабления и разрушения основ национального самосознания и типа жизнеустройства с целью дезорганизации мер противодействия агрессии.

Из приведенных соображений следует, что одним из главных объектов информационной войны являются общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил, в основе которого лежат национальные ценности и национальные интересы государства-жертвы. На подмену национальных ценностей и национальных интересов ложными интересами и ценностями, на их полное разрушение в ходе ИВ направляется совокупность подрывных операций.

Следовательно, наряду с широким классом информационно-технических объектов противника, важными объектами информационно-психологического воздействия в ходе ИВ являются государственное и военное руководство, военнослужащие и население страны.

Именно в таком контексте американский генерал У.Кларк признает, например, факт проведения американцами информационных операций накануне войны в Ираке: «В течение многих лет Соединенные Штаты стремились к свержению Саддама: оказывали давление на Ирак,

поощряли оппозицию, советами и подсказками направляли ее действия».[6,С.7] Впоследствии выяснилось, что определенная часть иракских военных были подкуплены американцами и сдали страну без боя. В течение многих десятков лет США активно используют подрывные информационные технологии для дестабилизации и свержения неудобных Вашингтону режимов в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии.[17]

Политические реалии современности свидетельствуют о расширении использования подрывных информационно-коммуникационных технологий в конфликтах с привлечением для этих целей спецслужб. Например, подписанный Б. Обамой в 2012 году документ, так называемая разведывательная ориентировка, позволяет спецслужбам США оказывать сирийской оппозиции поддержку в свержении законного президента Сирии Башара Асада.[35]

Президент России В.В. Путин на встрече с американским журналистом говорил о деятельности спецслужб США на Украине с целью свержения президента В. Януковича: «мы знаем, кто, где, когда встречался, работал с теми людьми, которые свергли Януковича, как их поддерживали, сколько платили, как готовили, на каких территориях, в каких странах и кто были эти инструкторы» [34].

О реальности «злого умысла», воплощенного во всеохватывающем уровне планирования и управления социальными, государственными и политическими процессами в рамках глобальной информационной войны пишут, например, политологи Джон Кллеман и Д. Эстулин.[7,28]

Опираясь на эти и другие факты, некоторые исследователи утверждают, что «в политическом и военном руководстве США сформировалась стратегия войны нового типа, нацеленной не на разгром противника, а на его «удушение».[3,С.47] В условиях глобализации и усиления интегрированности экономик, наличия у многих стран оружия массового поражения полномасштабная, даже локальная, война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном.

По мнению автора, с учетом сложившихся политических реалий информационная война как важная составная часть цветной революции и гибридной войны представляет собой способ воздействия на информационное пространство противостоящей стороны для достижения стратегических целей за счет хаотизации ключевых сфер деятельности людей: сферы админи-

стративно-государственного (политического) управления; культурно-мировоззренческой сферы; социально-экономической сферы.

При этом главное внимание уделяется размытию философской и методологической познавательной (когнитивной) деятельности народа государства-противника, хаотизации его сознания, подрыва доверия к лидерам и уверенности в будущем, разрушению системы национальных ценностей и интересов, внедрению ложных экономических и нравственных установок.

Поэтому современные конфликты приобретают многомерный характер и сочетают информационное, финансовое, экономическое, дипломатическое и специальное воздействие на противника в реальном масштабе времени. Такими многомерными конфликтами являются цветные революции и гибридные войны, для которых характерно целенаправленное, адаптивное применение как военно-силовых методов, методов экономического удушения противника, так и подрывных информационных технологий.

Адаптивные стратегии информационных войн

Общим для стратегий цветной революции и гибридной войны является наличие трёх обязательных стадий: зарождения, практических действий и урегулирования на новых политических условиях. На стадии практических действий в рамках адаптивных технологий жёсткой и мягкой адаптации возможно применение военной силы, варьируется также интенсивность, методы и средства информационного воздействия.

Таким образом, применительно к информационной войне речь должна идти об адаптивном характере интенсивности информационного воздействия. При этом интенсивность и масштабы информационного воздействия на противника на каждой из стадий определяются избранной стратегией ИВ в зависимости от вида конфликта, который может развиваться по сценарию цветной революции или гибридной войны.

В цветной революции предусматривается целенаправленное информационно-психологическое воздействие на руководство, личный состав вооружённых сил и правоохранительных органов, на население государства-мишени в целом для организации государственного переворота и создания условий для перевода страны под внешнее управление. Сила применяется дозировано и в относительно небольших масштабах,

как правило, в пределах столицы и некоторых крупных городов. Ставится задача запугать и дезориентировать население, дезорганизовать деятельность государственных структур. Соответственно объектами силового воздействия являются, главным образом, органы управления государством, политические лидеры и местные руководящие структуры.

По опыту цветных революций в странах Ближнего Востока, Киргизии и на Украине в ходе информационных операций против политических лидеров могут выдвигаться обвинения двух типов. Если лидер пытался сохранить стабильность и в ограниченных масштабах использовал для этого силовые приемы, в ходе идеологической подрывной кампании внутренние и внешние силы обличают его как кровавого диктатора, требуют ареста и суда. Если он прибегал, главным образом, к «мягким» способам воздействия на политизированную толпу, его называют главой коррумпированной верхушки и требуют немедленной отставки.

В любом случае лидера и его окружение ждут или уничтожение, или арест с последующим судебным процессом с запрограммированным жёстким обвинительным приговором.

В общем виде алгоритм управления цветными революциями предусматривает целенаправленное воздействие на их масштабы и динамику развития политической ситуации в интересах разрушения социальной системы, против которой направлен конфликт, и создание условий для перевода страны под внешнее управление.

Для стратегии адаптивного применения силы и интенсивности информационного воздействия в ходе гибридной войны, в отличие от цветной революции, характерна большая временная протяженность, более широкий спектр разрушительных воздействий, включая, прежде всего, на постепенное удушение и подрыв экономической, финансовой, военной и культурно-мировоззренческой сфер государства-жертвы.

К числу важных особенностей стратегии гибридной войны в отличие от цветной революции следует отнести заблаговременные масштабные военные приготовления с целью использования силы для разгрома вооружённых сил с привлечением регулярных и иррегулярных формирований, сил специальных операций, частных военных компаний и пр.

Общим для стратегий цветной революции и гибридной войны является информационно-психологическое воздействие на противника в

ходе информационной войны, которая ведется в соответствии с избранной стратегией.

При этом цели, как интенсивность, так и содержание информационных операций будут разными, что применительно к стратегиям информационной войны в цветной революции и гибридной войне может быть раскрыто при анализе базовых стратегий любого вида войн – стратегий сокрушения и измора. Обе стратегии исследованы в работах русских ученых. Например, русский военный теоретик А.Свечин отмечал, что «понятия о сокрушении и изморе распространяются не только на стратегию, но и на политику, и на экономику, и на бокс, на любое проявление борьбы, и должны быть объяснены самой динамикой последней».[15,С.11] Некоторые определения стратегий сокрушения и измора применительно к конвенциональным конфликтам будут рассмотрены ниже.

Анализ особенностей конфликтов современности позволяет утверждать, что понятия «сокрушение и измор» применимы к цветной революции и гибридной войне, что позволяет говорить о наличии соответствующих стратегий, используемых в этих конфликтах.

Как упоминалось выше, цветная революция и гибридная война представляют собой сложные конфликты, в которых комбинированные действия предполагают сочетание традиционной военной мощи с политической, информационной, финансово-экономической и др. составляющими.

В этом контексте предполагается рассмотреть стратегии сокрушения и измора применительно к ведению информационной борьбы при подготовке и в ходе цветной революции и гибридной войны.

Исходим из предположения, что результаты проделанного системного анализа позволят определить важные особенности каждой из стратегий применительно к информационной войне, для которой свойственна гибкая и жесткая адаптация используемых методов и средств информационного воздействия.

Стратегия информационной войны в цветной революции

Стратегию информационной войны применительно к цветной революции предлагается рассматривать как частный вид стратегии не прямых действий. Такая стратегия включает систему политических, социально-экономических, инфор-

мационно-идеологических и психологических мер воздействия на сознание населения страны, личного состава правоохранительных органов и вооруженных сил с целью подрыва власти за счет провоцирования акций массового гражданского неповиновения, последующего свержения правительства и перевода страны под внешнее управление.

Важной задачей предварительного этапа является разработка комплекса ложных национальных ценностей и интересов, которые за счет умелого манипулирования сознанием последовательно внушаются населению и правящей элите.

Высокие темпы реализации этой стратегии, наступательный характер проводимых информационно-психологических мероприятий, ориентированных на достижение решительного успеха в относительно сжатые сроки, позволяют отнести ее к категории *стратегий сокрушения*.

В конвенциональной войне стратегия сокрушения рассматривается как «способ военных действий, в основе которого лежит достижение победы путем полного разгрома противника, уничтожения его вооруженных сил и разрушения военно-экономической базы».[2,С.110]

Следует отметить, что стратегия сокрушения в информационной войне применительно к цветной революции предусматривает действия весьма решительного и динамичного характера, направленные на осуществление государственного переворота и смену власти. Однако уничтожения вооруженных сил государства-объекта агрессии и разрушения его военно-экономической базы в ходе цветной революции не планируется.

Результатом проведения комплекса информационных операций при подготовке и в ходе цветной революции является военно-политическая, социальная, экономическая нестабильность и турбулентность, которая создается за счет умелого использования внутренних и внешних факторов для провоцирования недовольства населения и массовых выступлений. В числе внутренних факторов – коррупция, высокий разрыв в доходах различных слоев населения, несостоятельность национальных элит, неэффективные социальные лифты, упущения в сфере здравоохранения, образования, правосудия, социального обеспечения, нерешенные межнациональные, межрелигиозные проблемы и некоторые другие.

Наряду с действием внутренних факторов нестабильность и турбулентность усиливаются путем искусственно создаваемой извне хаоти-

зации обстановки силами зарубежных и некоторой части манипулируемых национальных СМИ, средствами традиционной и публичной дипломатии, спецслужбами. В информационной сфере объектами манипуляций со стороны внешних сил являются национальные элиты, молодёжь, оппозиционные движения, экстремистские, этнические и псевдорелигиозные группировки, некоторые общественные группировки без определенного статуса (группы футбольных фанатов, например).

На подготовительном этапе информационные операции, осуществляемые страной-агрессором при подготовке цветной революции, направляются на организацию протестного движения за счет внедрения в сознание населения страны, особенно, национальных элит, молодежи и военно-политического руководства искаженных исторических и идеологических представлений, ложно трактуемых национальных ценностей и интересов, мотиваций и лозунгов, подобранных с учетом национальных особенностей. Этот процесс может занимать десятки лет, как это было, например, на Украине в период с начала 90-х годов прошлого века и до майданов в 2004 и 2014 годах. Продолжается этот процесс и сегодня.

На определенном этапе цветной революции с целью сокрушения власти, ускорения событий и резкого обострения обстановки осуществляется мощная информационная атака, для успешности которой формируется своеобразный импульс-катализатор, способный вызвать мощный общественный резонанс и вывести людей на улицу. Это может быть информационный «вброс», основанный на истинных или ложных утверждениях о злоупотреблениях в высших эшелонах власти, на необоснованном судебном решении или политически мотивированном убийстве и пр. Правоохранительные органы могут быть спровоцированы на непропорциональное применение силы. С опорой на такое событие по отработанным информационным каналам осуществляется массовая мобилизация боевиков, протестных групп населения и формируется манипулируемая политическая толпа, от имени которой выдвигаются ультимативные требования к властям. Для подогрева оппозиционных настроений и подстрекательства к мятежу используются ангажированные СМИ, различные неправительственные организации, возможности традиционной и публичной дипломатии. С оппозицией активно работают спецслужбы.

Подобный образ действий вполне вписывается в стратегию сокрушения, т.е. стратегию, основанную на относительно высокой динамике наращивания давления на властные структуры со стороны страны-агрессора. В соответствии со стратегией сокрушения на первом – подготовительном этапе цветной революции осуществляется кропотливая работа по сбору информации и подготовке акций массового неповиновения: поиск источников финансирования, формулированию лозунгов, установлению контроля над СМИ, подготовке боевиков-лидеров, выбору объектов для возможного захвата, организации системы оповещения для сбора митингующих и т.д.

Последующие этапы стратегии реализуются в течение относительно короткого промежутка времени (несколько недель) и предусматривает нанесение мощного таранного удара по власти с целью ее свержения и перевода страны под внешнее управление.[9]

Серьёзность угрозы такой информационной войны осознаётся в высших эшелонах власти нашего государства, что нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где «инспирирование цветных революций» относится к одной из основных угроз государственной и общественной безопасности страны [16].

Стратегия информационной войны в гибридной войне

Применительно к достаточно стабильным крупным государствам не всегда таранный удар по власти, характерный для цветной революции, позволяет достичь желаемой цели.

Для воздействия на такие государства разработана стратегия гибридной войны, которая нацелена на изнурение страны-жертвы и строится на использовании широкого спектра действий, осуществляемых с использованием военных и иррегулярных формирований с проведением одновременно по единому замыслу и плану операций по хаотизации сферы военно-политического управления, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сферы, сферы военной безопасности.

В информационной сфере для дезорганизации и ослабления государства применяются кибератаки против систем управления страной и вооруженными силами, финансово-банковской системы, предприятий ОПК и бизнес-структур.

В гибридной войне для решения задач непрямого воздействия на противника используется информационная стратегия, представляющая собой разновидность стратегии измора.

В конвенциональной войне стратегия измора рассматривается как «способ военных действий, в основе которого лежит расчет на достижение победы путем последовательного ослабления противника, истощения его вооруженных сил, лишения противника возможности восстановить потери и удовлетворять военные нужды, поддерживать боеспособность армии на требуемом уровне, перехватывать его коммуникации, принуждать врага к капитуляции» [2, С.110].

Следуя стратегии измора в ходе информационной войны, государство-агрессор на протяжении длительного периода тайно, без формального объявления войны использует технологии информационно-психологического воздействия в интересах нарушения единства и территориальной целостности государства, дестабилизации внутривластной и социальной ситуации. Важное место отводится разрушению традиционных духовно-нравственных ценностей, реформированию культурно-мировоззренческой сферы. Подрывные информационно-коммуникационные технологии ориентируются в первую очередь против военно-политического руководства, национальных элит, молодёжи, личного состава вооруженных сил и в целом населения страны-мишени.

В результате в гибридной войне операции информационной войны в сочетании с военно-силовыми действиями, подрывом экономики и финансов создают условия для достижения поставленных целей по военному поражению противника.

На всех этапах планирования и осуществления операций информационной войны в ходе гибридной войны проводится мониторинг обстановки, определяются «запасы» устойчивости власти и государства в целом. При достижении критических значений внутривластной нестабильности (в сферах административно-политического управления, экономической, военной, культурно-мировоззренческой) может быть принято решение об осуществлении государственного переворота. В этом случае осуществляется переход к стратегии сокрушения за счет инициирования цветной революции.

Образно говоря, во многих случаях цветные революции как грибы-поганки вызревают на поле, удобренном делателями гибридной

войны. Иногда сокрушительного ядовитого потенциала такого гриба оказывается достаточно для того, чтобы отправить государство в нокаут. Иногда потребуется синтезированное воздействие нескольких подрывных информационных операций.

В контексте анализа широкого спектра подрывных действий и организации противодействия весьма плодотворными с методологической точки зрения представляются идеи политолога В.В. Карякина о «разработке альтернативных стратегий следующего поколения, которые можно подразделить, в зависимости от степени очерёдности их реализации, на «действия мгновенной реакции» и действия в ближнесрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах» и сценариям противодействия. [4, С.272]

В целом, в ходе гибридной войны в ее среднесрочной и долгосрочной перспективах реализуются стратегии изнурения страны, когда наряду с подрывом экономики, применением санкций, продолжается работа по разложению правящих элит, снижению воли вооруженных сил и населения к сопротивлению переменам, навязываемым извне.

На определенном этапе разворачиваются военные действия с участием местных мятежников, наемников, частных военных компаний, поддерживаемых кадрами, оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними субъектами.

Важной составляющей стратегии информационной войны, направленной на измор и изнурение противника, является оказание давления на руководство и население страны путем целенаправленного воздействия на сферу военной безопасности. Цель – за счет проведения информационных мероприятий и ограниченных по масштабу военных демонстраций спровоцировать государство-жертву на наращивание изнуряющих военных расходов. Осуществляется провоцирование локальных конфликтов в приграничных районах и стратегически важных регионах, вблизи границ проводятся военные учения по провокационным сценариям, разворачиваются дестабилизирующие системы оружия. При широком использовании возможностей «пятой колонны» и агентурных сетей на системной основе осуществляется «демонизация» высшего военно-политического руководства, расшатываются военно-политические и экономические союзы.

В конечном итоге сбалансированное сочетание стратегий сокрушения и измора в ин-

формационной войне в цветной революции и гибридной войне позволяет сформировать своеобразный разрушительный тандем, который целенаправленно использует свойства глобальной критичности современного мира для подрыва фундаментальных основ существующего миропорядка, дестабилизации отдельных стран с целью добиться их капитуляции, подчинения стране-агрессору и установления глобального доминирования Запада. В основе сочетания стратегий сокрушения и измора лежат механизмы поэтапного усиления и эксплуатации критичности с целью хаотизации обстановки в стране-мишени.

Публичная дипломатия США и НАТО в информационной войне против России

Анализ действий наших геополитических противников показывает, что гибридная война против России ведется уже на протяжении длительного исторического периода, а информационная война представляет собой её важнейший компонент. [14, С.12] При этом ведущая роль отводится операциям информационно-психологической войны и непрямым средствам воздействия на экономику, поскольку прямая вооруженная агрессия против России, обладающей ядерным оружием, пока представляется маловероятной.

В современных стратегиях информационной войны противник умело использует её характерную особенность, связанную со сложностью идентификации используемых агрессивных манипуляционных технологий, которая заключается в возможности неоднозначных интерпретаций источников и результатов их применения. Кроме того, существуют объективные трудности выявления всей совокупности элементов информационно-психологической программы, а также неразработанность нормативно-правовой базы, на основании которой можно было бы доказать преднамеренность той или иной манипуляции, например, в культурно-мировоззренческой сфере.

Опираясь на указанную особенность, противник в гибридной войне сочетает арсенал не прямых средств воздействия с перманентной угрозой вооруженной агрессии против России. Такая угроза используется для провоцирования военных расходов, подрыва экономики, информационно-психологического давления на население. Не исключено, что при определенных обстоятельствах угроза военного нападения может быть реальной, что требует безусловного

приоритета в укреплении обороноспособности нашей страны.

Характерным для действий противника является стремление добиваться синергетического воздействия используемых технологий за счет создания интегральных синхронизируемых моделей информационной войны с использованием ресурсов США и союзников по НАТО.

В этом контексте на участие в гибридных войнах ориентирована стратегия публичной дипломатии НАТО, которая в концентрированном виде представлена в документе «Стратегия публичной дипломатии» [31]. В документе сформулированы два главных приоритета публичной дипломатии: продемонстрировать роль и достижения НАТО в операциях и миссиях (главным образом в Афганистане и на Балканах), а также новую идентичность альянса и стратегические направления его развития в условиях трудно предсказуемой обстановки. Указаны целевые группы в странах НАТО и партнеров. Это политические лидеры, парламентарии, исследователи и эксперты в сфере безопасности, журналисты, преподаватели, ученые, руководители авторитетных неправительственных организаций (НПО) и, особенно, молодежь. Содержится рекомендация по возможно более широкому использованию потенциала всех современных информационно-коммуникационных средств.

Стратегия базируется на общих принципах публичной дипломатии, которые были сформулированы в 2003 г. советником Государственного департамента США по вопросам общественной дипломатии К. Россом [32]. Сформулированные американцем принципы в полной мере используются публичной дипломатией НАТО, что обеспечивает эффективную интеграцию и синхронизацию действий Запада в информационной сфере.

Особое внимание уделяется углублению работы сил и средств публичной дипломатии на постсоветской территории. Главная задача при этом состоит в изучении обстановки в России, странах СНГ и ОДКБ, налаживании каналов двусторонней стратегической коммуникации между НАТО и каждым из государств при одновременном категорическом неприятии предложений о сотрудничестве между альянсом и ОДКБ. Проводится комплекс мероприятий по формированию позитивного и притягательного имиджа Организации Североатлантического договора в глазах различных групп населения: правящих элит, бизнес-сообщества, творческой

интеллигенции, военных, молодежи. Конечная цель – изменение идентичности элит в пользу евроатлантизма.

С этой целью на территории бывших советских республик развернута обширная сеть структур публичной дипломатии альянса – информационных бюро НАТО, военных миссий связи, предлагаются услуги альянса в подготовке военнослужащих, оснащении вооруженных сил. Создан пост спецпредставителя НАТО по странам Кавказа и Центральной Азии. С этими структурами тесно взаимодействуют финансируемые Западом НПО.

Таким образом, США и НАТО с целью сохранения мирового лидерства выстраивают интегрированную модель ИВ, способную обеспечить синхронизацию соответствующих действий в отношении противника с привлечением широкого арсенала средств информационно-психологического воздействия на население при подготовке цветных революций и ведении гибридной войны.

Российская стратегия противодействия в информационной войне

Развитие средств и технологий информационной войны, ориентированных на обширные целевые группы населения в различных странах, делает все более актуальной разработку путей противодействия информационно-психологическим технологиям манипулирования сознанием, а также развитие методов управления и защиты национального информационного пространства.

Эффективность современной российской стратегии противодействия информационным войнам должна базироваться на четком осознании и осмыслении национальных ценностей и национальных интересов нашего государства, на научном обосновании их иерархии и приоритетности. Этому вопросу посвящен целый пласт научных исследований. Политолог А.А.Чекулаев, например, предлагает классифицировать национальные интересы по степени их важности (приоритетности), временным и географическим показателям, а также сферам проявления. В структуре национальных интересов им выделяются интересы личности, общества и государства; жизненно важные (или главные), важные и просто интересы (группа специфических интересов); внутривосточные и внешнеполитические интересы. По степени важности он выделяет

группы главных (жизненно важных), а также специфических национальных интересов.[26]

Применительно к России следует отметить, что при реализации национальных интересов и ценностей в различные исторические периоды в зависимости от изменчивых условий преобладали политические, экономические, культурно-цивилизационные или военно-силовые акценты. Этим определялась направленность конкретных практических действий в соответствующих сферах деятельности государства.

Наряду с изменчивым блоком национальных интересов некоторые исследователи отмечают, что «у нации существуют константные ценности, к которым она стремится постоянно, в любых условиях» [1,С.258]. К их числу относят выживание социума, его благополучие, стабильное и безопасное развитие, культурная самобытность, возможность самостоятельно решать вопросы своего развития и обеспечивать суверенитет, поддерживать статус страны в мировом сообществе.

По нашему мнению, при разработке стратегии противодействия константные ценности должны использоваться в качестве своеобразных ограничителей предпринимаемых шагов в военно-политической, экономической, культурно-мировоззренческой сфере, выход за пределы которых недопустим. Обеспечение соответствия константным ценностям вырабатываемых в процессе принятия решений по различным политическим ситуациям в сфере обеспечения международной и национальной безопасности и будет определять адекватность применяемых мер системе ценностей и национальных интересов.

Кроме того, Россия располагает широким спектром уникальных консервативных ценностей, которые имеют широкое международное измерение. В их числе консервативное понимание личности и свободы, справедливость как ключевая сверхценность России (в том числе и справедливость мироустройства), моральная правота перед лицом глобального лицемерия и двойных стандартов, отрицание необратимости торжества евроатлантической модели глобализации, открытость к многополярному миру с принципиально разными доктринами развития и др.[12]

На XV Всемирном русском народном соборе в мае 2011 года Святейший Патриарх Кирилл сообщил о работе над проектом «Базисные ценности – основа общенациональной идентичности», перечислив включенные в него понятия: справедливость, мир, свобода, единство, нравст-

венность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность. Предстоятель выразил уверенность, что в этот список следует включить также веру [13]

Позиция РПЦ в защиту базисных ценностей как основы общенациональной идентичности делает церковь объектом ожесточенных информационных атак, которые направляются на «религиозные символы, идеи и образы православия и связанные с ними ценности веры, семьи, Родины, национальной культуры. Нам не известен ни один случай глумливого отношения к религиозным чувствам российских мусульман, иудеев, буддистов. Но православие так же, как и архетипы традиционного самосознания, выраженные в русской культуре, все время остаётся актуальным объектом нападения» [25, С.235-236].

Не вызывает сомнения, что Русская православная церковь, как ядро цивилизационного объединения русского народа и его защитница на протяжении тысячелетия, нуждается в свою очередь в защите от тщательно спланированных подрывных информационных операций.

Здесь в полной мере можно согласиться с мнением М.Б. Смолина (руководитель Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований): «Формально юридическое отделение Церкви от государства никогда не отделяло Православия от русской истории, от веками сложившегося психологического и нравственного стереотипа национального поведения. Современное тяжёлое положение российского общества, во многом потерявшего нравственные и мировоззренческие ориентиры, ригористки требует восстановления исторических взаимоотношений двух важнейших институтов нашего национального мира» [20, С.2].

Рассмотренный перечень национальных ценностей должен служить основой при осознании, формулировании и реализации национальных интересов, выработке стратегических национальных приоритетов и показателей состояния национальной безопасности. Использование предлагаемых российскими учеными подходов к определению национальных ценностей и интересов при разработке Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в редакции от 31 декабря 2015 года позволило придать документу новый стратегический размах и конкретность в решении жизненно важных национальных проблем.

В этом контексте особого внимания требует совершенствование российского потенциала «мягкой» силы для эффективного противодействия подрывным стратегиям информационной войны. Нарастание масштабов использования информационных технологий против России, их доступность создаёт условия для обработки широких социальных слоев общества с привлечением технологий навязывания массовой культуры населению. При этом заимствуются и используются коды других культур на поверхностном, фрагментарном и упрощенном уровне, что упрощает задачу имитации и тиражирования образцов высокой культуры в различных формах информационного противостояния.

Методологически важной для разработки политики в сфере обеспечения информационной безопасности представляется мысль Г.Ю. Филимонова, автора работы «Мягкая сила» культурной дипломатии США» о необходимости создания в Российской Федерации идейной и идеологической базы для успешной реализации комплекса задач по противостоянию современным подрывным информационным технологиям на основе общенародной консолидации. Для этого нужны «укрепление, а в отдельных случаях возрождение исторической памяти народа и его самосознания» [23, С.185].

Наряду с этим, необходимы серьёзные длительные усилия по повышению на международном уровне заметности и притягательности России не только, например, в сфере высокой культуры или спорта высоких достижений, но и на уровне массовой молодёжной культуры (кино, музыка, телепрограммы, литература, массовый спорт и т.п.).

Одним из важных направлений развития «мягкой силы» представляется интернационализация российского образования. Увеличение числа иностранных студентов в российских вузах позволит готовить лояльно настроенных к нашей стране специалистов, некоторые из которых со временем будут определять политику своих государств. Для этого необходима целенаправленная работа по повышению заметности российских университетов за рубежом, выдвижения их на достойные места в международных рейтингах. Решение этой стратегически важной задачи связано с немалыми расходами, что требует государственной поддержки учебным заведениям.

Многомерный характер цветных революций и гибридных войн, которые сочетают информационное, финансовое, экономическое,

дипломатическое и специальное воздействие на противника в реальном масштабе времени, требует глубокой интеграции Вооруженных сил и всего российского общества, продуманного построения системы военно-гражданских отношений, привлечения потенциала отечественного бизнеса, создания многомерной системы противодействия в первую очередь на культурно-мировоззренческом уровне. Одним из основных приоритетов в этой сфере должно стать укрепление роли русского языка как средства межнационального общения мультикультурной общности народов не только российского и постсоветского пространств, но и в зонах стратегических интересов России. [24]

Комплексное решение задач противодействия подрывным информационным технологиям требует обеспечить тесную взаимосвязь между правительством, общественностью и Вооруженными силами в рамках единой стратегии обеспечения информационной безопасности и ведения ИВ на основе сформулированных и осознанных национальных ценностей и интересов.

Следует наращивать меры по снижению эффективности воздействия на общество и вооруженные силы подрывных информационных технологий за счет упреждающей контрпропаганды, защиты своих объектов от такого

воздействия при одновременном ограничении и перекрытии возможных каналов информационной агрессии.

С учётом стратегии сокрушения, которая используется в цветных революциях, необходимо формировать своеобразный потенциал «информационного быстрого реагирования», применение которого должно позволить в сжатые сроки парировать информационные атаки противника. Наряду с этим, принимая во внимание долгосрочный характер информационного воздействия в гибридной войне, следует разработать комплекс мер по противостоянию угрозе, рассчитанный на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Эффективность мер противодействия во многом зависит от качества мониторинга обстановки в культурно-мировоззренческой сфере. Результаты мониторинга должны оперативно использоваться при формировании информационных моделей, позволяющих осуществлять интегрированный упреждающий ответ на попытки информационно-психологического воздействия противника.

Эти и некоторые другие подходы должны быть использованы при разработке в Российской Федерации всеобъемлющей стратегии противодействия информационной войне.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белозеров В.К. Политическое руководство Вооруженными силами Российской Федерации. Институциональное измерение: Монография – М.: ИД «АТИССО», 2011 – С.258.
2. Война и мир в терминах и определениях, под ред. Д.О. Рогозина. – М.: Изд. дом «ПоРог», 2004, 623 с.
3. Гилёв А. Многомерная война и новая оборонная стратегия. Россия в глобальной политике – том 12-№ 5 – сентябрь-октябрь 2014-С.47-58
4. Карякин В.В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна: Монография. – М.: 2013 – 432 с.
5. Кларк Р., Нейк Р.. Третья мировая война: какой она будет? – СПб.: Питер.2011 – 336 стр.
6. Кларк У.К. Как победить в современной войне/пер. с англ.. – М.:Альпина Бизнес Букс. 2004, С.7.
7. Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь-2009-320 с.
8. Ларина Е.С. Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. – М.: Книжный мир, 2015,-С.350
9. Манойло А.В.. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике. // Право и политика.-2015.-№ 7 (187).-С. 918-929
10. Най Джозеф С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. – Н.:ФСПИ «Тренды», 2006. – 221 с.
11. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М.:ОАО «Издательский дом «Городец», 2004 – 528 с.
12. Проханов А.А., С.Глазьев, А.Нагорный, Л.Ивашов, М.Деягин, М.Калашников и др. Холодная война 2.0. Стратегия русской победы. («Коллекция Изборского клуба») – М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. – 384 с.

13. Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. URL:<http://www.patriarchia.ru/db/text/1495641.html> (дата обращения 2.10.2015)
14. Марков С.А. «Гибридная война» против России. – М.: – Алгоритм, 2015 – 208 с.
15. Свечин А.А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927.
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 № 683 С. 6. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (дата обращения 11.01.2016)
17. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США – М.: Колибри – 2014, 926 с.
18. Соколова А.М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ – автореф. дис. на соискание ученой степени канд. философ. наук – Красноярск-2007
19. Суворов В.Л. Жураковский А.П. Непрямые действия как средство ведения «гибридных войн». Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола. 29.01.2015.г.-М.:ВУ-2015 – 310 с.
20. Смолин М. Б.Взаимоотношения государства и Церкви: церковно-правовой взгляд / М. Б. Смолин, канд. ист. наук ; Рос. ин-т стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2011. – 28 с.
21. Туляков О. Информационная война в планах Пентагона. Зарубежное военное обозрение – № 11 (824) 11.2015 – С. 3-14
22. Филимонов Г.Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография / Г.Ю.Филимонов, О.Г.Карпович, А.В.Манойло.-Москва: РУДН, 2015. – 582 с.
23. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. Монография.-М.: РУДН, 2010.- 212 стр.
24. Халева И.И. «Лингвистическая безопасность России», Вестник Российской академии наук, том 76, № 2, стр. 104-111, февраль 2006 г.
25. Цеханская К.В. Глобализм и проблемы современной этнорелигиозной идентификации русских. Проблемы национальной стратегии-РИСИ №6, 2015 – С 235-236
26. Чекулаев А.А.Национальные интересы России в условиях новой системы международных отношений; проблемы и приоритеты реализации. Автореф.дис.на соискание ученой степени канд.полит.наук. Москва, 2011
27. Шаламберидзе Е.Г. Непрямое противоборство в сфере военной безопасности в условиях мирного времени. Вестник Академии военных наук, № 1(34) 2011, С.20-30
28. Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба-Минск-Изд.: Попурри-2009, 336 с.
29. Оперативная концепция армии США «Победить в сложном мире. USA Operating Concept Win in a Complex World» URL:http://www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2014/U.S._Army_Operating_Concept_7oct2014.pdf (дата обращения 18.08.2015)
30. Joint Doctrine for Information Operations (JP 3-13) URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения 21.12.2015)
31. 2010-2011 NATO Public diplomacy strategy. Ресурс: <http://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2011/> (дата обращения:25.02.2014)
32. Christopher Ross. Pillars of Public Diplomacy. URL.: <https://www.google.ru/#newwindow=1&q=christopher+ross+pillars+of+public+diplomacy>. (дата обращения: 15.02.2014)
33. Источник URL:<http://www.isn.ethz.ch/Didital-LibraryPublicationsDetail?id=159093> (дата обращения 18.08.2015)
34. Источник: URL:<http://ren.tv/novosti/2015-09-28/putin-udivil-amerikanskogo-zhurnalista-zayavleniem-o-rol-i-ssha-na-ukraine> © REN.TV (дата обращения 28.12.2015)
35. Источник <http://www.azglobus.net/621-ssha-nichego-ne-pozhaleyut-radi-sverzheniya-asada.html> (дата обращения 28.12.2015)
36. Бартош А.А. Модель управляемого хаоса в экономической сфере. М.: Международная экономика № 3, 2015, С.31-39.
37. Бартош А.А. Модель управляемого хаоса в сфере обеспечения военной безопасности. М.: Вестник Академии военных наук № 1 (46), 2014, С. 69-78.
38. Бартош А.А. Модель управляемого хаоса в культурно – мировоззренческой сфере. М.: Вестник Московского государственного лингвистического университета, выпуск № 39, 2014, С. 9-27.
39. Бартош А.А. Гибридные войны как проявление глобальной критичности современного мира-Геополитика и безопасность-№1 (29)-2015, С. 71-79.
40. Бартош А.А. Модель адаптивного применения силы в цветных революциях. М.: Российский институт стратегических исследований. Проблемы национальной стратегии, № 6 (27), 2014, С. 113-126 .
41. Бартош А.А. Невоенные угрозы ОДКБ. М.: Армия и общество, № 1, 2014, С. 91-98.

42. Бартош А.А. Эволюция публичной дипломатии НАТО. М.: Дипломатическая служба, № 3, 2014, С. 6-12.
43. Бартош А.А. Философия гибридной войны. Сравнительный анализ моделей гибридной войны и цветной революции.-СПб.: Геополитика и безопасность-№ 4(32) 2015-С.44-52.
44. Валиуллин И.И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке // Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 68 – 74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
45. Курилкин А.В. Современные подходы к ведению информационных войн // Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 75 – 80. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10063.
46. Манойло А.В. Управление психологической войной // Международные отношения. – 2013. – 3. – С. 377 – 389. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.6221.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Belozеров V.K. Politicheskoe rukovodstvo Vooruzhennymi silami Rossiiskoi Federatsii. InstitutSIONal'noe izmerenie: Monografiya – М.: ID «АТІSSO», 2011 – S.258.
2. Voina i mir v terminakh i opredeleniyakh, pod red. D.O. Rogozina. – М.: Izd. dom «PoRog», 2004, 623 s.
3. Gilev A. Mnogomernaya voina i novaya oboronnyaya strategiya. Rossiya v global'noi politike – tom 12-№ 5 –sentyabr'-oktyabr' 2014-S.47-58
4. Karyakin V.V. Geopolitika tret'ei volny: transformatsiya mira v epokhu Postmoderna: Monografiya. – М.: 2013 – 432 s.
5. Klark R., Neik R.. Tret'ya mirovaya voina: kakoi ona budet? – SPb.: Piter.2011 – 336 str.
6. Klark U.K. Kak pobedit' v sovremennoi voine/per. s angl.. – М.:Al'pina Biznes Buks. 2004, S.7.
7. Koleman D. Komitet 300. Tainy mirovogo pravitel'stva. М.: Vityaz'-2009-320 s.
8. Larina E.S. Ovchinskii V.S. Mirovoina. Vse protiv vsekh. Noveishie kontseptsii boevykh deistvii anglo-saksov. – М.: Knizhnyi mir, 2015,-S.350
9. Manoilo A.V.. Gibridnye voiny i tsvetnye revolyutsii v mirovoi politike. // Pravo i politika.-2015.-№ 7 (187).-С. 918-929
10. Nai Dzhozef S. Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike. – N.:FSPI «Trendy», 2006. – 221 s.
11. Panarin I.N. Informatsionnaya voina i diplomatiya. М.:ОАО «Izdatel'skii dom «Gorodets», 2004 – 528 s.
12. Prokhanov A.A., S.Glaz'ev, A.Nagornyi, L.Ivashov, M.Delyagin, M.Kalashnikov i dr. Kholodnaya voina 2.0. Strategiya russkoi pobedy. («Kollektsiya Izborskogo kluba») – М.: Izborskii klub, Knizhnyi mir, 2015. – 384 s.
13. Press-sluzhba Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi. URL:<http://www.patriarchia.ru/db/text/1495641.html> (data obrashcheniya 2.10.2015)
14. Markov S.A. «Gibridnaya voina» protiv Rossii. – М.: – Algoritm, 2015 – 208 s.
15. Svechin A.A. Strategiya. – М.: Voennyi vestnik, 1927.
16. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 № 683 S. 6. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129> (data obrashcheniya 11.01.2016)
17. Stoun O., Kuznik P. Nerasskazannaya istoriya SShA – М.: Kolibri – 2014, 926 s.
18. Sokolova A.M. Informatsionnye voiny v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskii analiz – avtoref. dis. na soiskanie uchenoj stepeni kand. filosof. nauk – Krasnoyarsk-2007
19. Suvorov V.L. Zhurakovskii A.P. Nepryamye deistviya kak sredstvo vedeniya «gibridnykh voyn». Gibridnye voiny XXI veka: materialy mezhvuzovskogo kruglogo stola. 29.01.2015.g.-M:VU-2015 – 310 s.
20. Smolin M. B.Vzaimootnosheniya gosudarstva i Tserkvi: tserkovno-pravovoi vzglyad / M. B. Smolin, kand. ist. nauk ; Ros. in-t strateg. issled. – М. : RISI, 2011. – 28 s.
21. Tulyakov O. Informatsionnaya voina v planakh Pentagona. Zarubezhnoe voennoe obozrenie – № 11 (824) 11.2015 – S. 3-14
22. Filimonov G.Yu. Tekhnologii «myagkoi» sily na vooruzhenii SShA: otvet Rossii: monografiya / G.Yu.Filimonov, O.G.Karpovich, A.V.Manoilo.-Moskva: RUDN, 2015. – 582 s.
23. Filimonov G.Yu. «Myagkaya sila» kul'turnoi diplomatii SShA. Monografiya.-M.: RUDN, 2010.-212 str.
24. Khaleeva I.I. «Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii», Vestnik Rossiiskoi akademii nauk, tom 76, № 2, str. 104-111, fevral' 2006 g.

25. Tsekanskaya K.V. Globalizm i problemy sovremennoi etnoreligioznoi identifikatsii russkikh. Problemy natsional'noi strategii-RISI №6, 2015 – S 235-236
26. Chekulaev A.A. Natsional'nye interesy Rossii v usloviyakh novoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii; problemy i priority realizatsii. Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kand. polit. nauk. Moskva, 2011
27. Shalamberidze E.G. Nepryamoe protivoborstvo v sfere voennoi bezopasnosti v usloviyakh mirnogo vremeni. Vestnik Akademii voennykh nauk, № 1(34) 2011, S.20-30
28. Estulin D. Sekrety Bil'derbergskogo kluba-Minsk-Izd.: Popurri-2009, 336 s.
29. Operativnaya kontseptsiya armii SShA «Pobedit' v slozhnom mire. USA Operating Concept Win in a Complex World» URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2014/U.S._Army_Operating_Concept_7oct2014.pdf (data obrashcheniya 18.08.2015)
30. Joint Doctrine for Information Operations (JP 3-13) URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (data obrashcheniya 21.12.2015)
31. 2010-2011 NATO Public diplomacy strategy. Resurs: <http://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2011/> (data obrashcheniya: 25.02.2014)
32. Christopher Ross. Pillars of Public Diplomacy. URL.: <https://www.google.ru/#newwindow=1&q=christopher+ross+pillars+of+public+diplomacy>. (data obrashcheniya: 15.02.2014)
33. Istochnik URL: <http://www.isn.ethz.ch/Didital-LibraryPublicationsDetail?id=159093> (data obrashcheniya 18.08.2015)
34. Istochnik: URL: <http://ren.tv/novosti/2015-09-28/putin-udivil-amerikanskogo-zhurnalista-zayavleniem-o-rol-i-ssha-na-ukraine> © REN.TV (data obrashcheniya 28.12.2015)
35. Istochnik <http://www.azglobe.net/621-ssha-nichego-ne-pozhaleyut-radi-sverzheniya-asada.html> (data obrashcheniya 28.12.2015)
36. Bartosh A.A. Model' upravlyаемogo khaosa v ekonomicheskoi sfere. M.: Mezhdunarodnaya ekonomika № 3, 2015, S.31-39.
37. Bartosh A.A. Model' upravlyаемого khaosa v sfere obespecheniya voennoi bezopasnosti. M.: Vestnik Akademii voennykh nauk № 1 (46), 2014, S. 69-78.
38. Bartosh A.A. Model' upravlyаемого khaosa v kul'turno – mirovozzrencheskoi sfere. M.: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, vypusk № 39, 2014, S. 9-27.
39. Bartosh A.A. Gibridnye voiny kak proyavlenie global'noi kritichnosti sovremennogo mira-Geopolitika i bezopasnost'-№1 (29)-2015, S. 71-79.
40. Bartosh A.A. Model' adaptivnogo primeneniya sily v tsvetnykh revolyutsiyakh. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. Problemy natsional'noi strategii, № 6 (27), 2014, S. 113-126.
41. Bartosh A.A. Nevoennyye ugrozy ODKB. M.: Armiya i obshchestvo, № 1, 2014, S. 91-98.
42. Bartosh A.A. Evolyutsiya publichnoi diplomatii NATO. M.: Diplomaticheskaya sluzhba, № 3, 2014, S. 6-12.
43. Bartosh A.A. Filosofiya gibridnoi voiny. Sravnitel'nyi analiz modelei gibridnoi voiny i tsvetnoi revolyutsii.-SPb.: Geopolitika i bezopasnost'-№ 4(32) 2015-S.44-52.
44. Valiullin I.I. Evolyutsiya ponyatiya «informatsionnaya voyna» v politicheskoi nauke // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – С. 68 – 74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
45. Kurilkin A.V. Sovremennyye podkhody k vedeniyu informatsionnykh voyn // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – С. 75 – 80. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10063.
46. Manoilo A.V. Upravlenie psikhologicheskoi voynoi // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 3. – С. 377 – 389. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.6221.